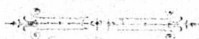

П. С. Рассодинъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ТОМСКѢ

въ октябрѣ 1905 г.

ВЪ ЦѢНѢ 60 КОП.

Изъ чистой прибыли 25¹/₁₀ отчисляется въ фондъ на постройку памятника жертвамъ 20 октября 1905 г. и 25¹/₁₀ въ пользу союза служащихъ и рабочихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений Томской губерніи.

г. Томскъ.

Типо-литографія Томской желѣзной дороги.

1917 г.

Событія въ Томскѣ въ октябрѣ 1905 года.

Не изъ желанія вызвать въ моихъ согражданахъ, быть можетъ, уже уснувшее въ нихъ чувство озлобленія къ темнымъ героямъ давно исчезнувшей эпохи, беру я на себя смѣлость опубликовать часть своихъ записокъ о нѣсколькихъ дняхъ минувшаго прошлаго.

Мной руководить другое. Возстаивая въ памяти однихъ, вмѣстѣ со мною пережившихъ эти дни, и знакомя другихъ, лишь по наслышкѣ знающихъ объ этихъ событіяхъ, я хочу лишь напомнить, что побѣдившій въ 1905 г. триумвиратъ реакціонной силы, темноты и невѣжества открылъ собою цѣлую эпоху карательныхъ отрядовъ, столичинскихъ галстуховъ, затемнившихъ собою славу муравьевскихъ ошейниковъ, безконечнаго числа ссылокъ и кулачныхъ и нагаечныхъ расправъ. Правда, эта была Пиррова побѣда. теперь мы всё это видимъ, но если мы задумаемся надъ тѣмъ, какъ расправлялась почувствовавшая за собою силу старая власть съ освободительнымъ движеніемъ въ 1905 г. и какъ мстила эта власть въ теченіе долгихъ слѣдующихъ лѣтъ, за свою мимолетную слабость, если мы вспомнимъ, не говоря о ихъ дѣятельности, только одни имена изъ всей стаи славныхъ, всѣхъ этихъ Миновъ, Раппенкамповъ, Дубасовыхъ, Азанчевыхъ-Азанчевскихъ, Рима-новъ, Думбадзе, Меллеръ-Закамельскихъ и т. д., и т. д.—мы поймемъ, что побѣда реакціи теперь вызоветъ такую невѣроятную расправу вездѣ и со всѣми, передъ которой событія 1905 г. и дѣятельность героевъ этого и слѣдующихъ лѣтъ, покажутся блѣдными...

Описаніемъ октябрьскихъ событій въ Томскѣ я хочу лишь лишній разъ сказать всѣмъ, кто не хочетъ ихъ повторенія, только то, что ежедневно говорятъ имъ на столбцахъ газетъ и въ воззваніяхъ: если вы любите родину, не желаете повторенія недавняго прошлаго и хотите, чтобы свободы, которая сейчасъ для васъ завоевали, навсегда остались съ вами,—сплывайтесь, организуйтесь, работайте не покладая рукъ во имя будущаго отчизны и вѣрьте и подчиняйтесь новому правительству, помня, что сейчасъ Россія переживаетъ годину, подобную бывшей 305 лѣтъ назадъ.

1.

Волна забастовочнаго движенія и опредѣленныхъ выступленій докатилась до Томска 13 октября. Днемъ этого числа было полу-

чено извѣстіе о забастовкѣ Сибирской жел. дороги отъ Челябинска до Омска, а вечеромъ—о забастовкѣ уже всей дороги, включая и Томскую вѣтвь. Въ самомъ городѣ въ этотъ день, однако, никакихъ выступленій не было. Все ограничилось лишь усиленнымъ движеніемъ народа по Почтамтской улицѣ и возбужденными разговорами.

Утромъ 14-го городъ имѣлъ свой обычный видъ, лавочки и магазины были открыты, служивые и чиновные люди сѣли къ своимъ мѣстамъ. Единственно, что бросалось въ глаза,—это особенно сосредоточенное выраженіе лицъ у интеллигентныхъ людей. Но уже съ полудня стало извѣстно, что всѣ службы желѣзнодорожнаго управленія прекратили занятія и закрылись многіе магазины и лавки, главнымъ образомъ, въ центрѣ. На улицахъ образовалось усиленное движеніе. Около желѣзнодорожнаго собранія, помѣщавшагося тогда по Ямскому переулку, толпился народъ, стояли солдаты и гарцовали казаки. Въ этомъ помѣщеніи былъ митингъ служащихъ дороги и незначительнаго числа постороннихъ лицъ. Въ зданіе заходилъ полицмейстеръ Никольскій и предлагалъ очистить его, предупреждая при этомъ, что уйти придется въ тюрьму. Охотниковъ послѣдовать его приглашенію не нашлось и солдаты и казаки оцѣпили зданіе. Лицъ, дѣлавшихъ время отъ времени попытки уйти, схватывали и арестовывали.

Вскорѣ послѣ 8 часовъ вечера, по распоряженію губернатора Азанчеева-Азанчевскаго, осажденные были выпущены на свободу.

15-го числа занятій въ большинствѣ учрежденій города не было. Изъ отдѣльныхъ событій этого дня можно отмѣтить лишь бывшій въ зданіи Бесплатной народной библіотеки митингъ забастовавшихъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Привожу краткое описаніе этого событія одного бытописателя, матеріаломъ котораго располагаю: «былъ митингъ въ Бесплатной библіотекѣ. Ее оцѣпила полиція; часовъ 12 осажденныхъ морили голодомъ. Тамъ была масса дѣтей. Родители собрали экстренное засѣданіе думы и послѣдняя постановила потребовать отъ губернатора освобожденія дѣтей, подъ угрозой призвать все населеніе къ оружію и пойти выручать ихъ силой. Во всемъ составѣ, во главѣ съ головой А. И. Макушинымъ, дума въ 11 ч. ночи отправилась къ губернатору, а за нею скорѣ двинулась туда-же и толпа родителей, въ количествѣ около трехсотъ человѣкъ. Губернаторъ струсилъ и библіотека была открыта. Всѣхъ освободили и—меланхолически заключаетъ бытописатель—били совсѣмъ немного». Отъ себя набросаю лишь одинъ штрихъ: скорѣ-же послѣ начала митинга прискакали казаки и обычными «энергичными» средствами прежде всего разогнали мирно топтавшуюся около библіотеки толпу, а затѣмъ оцѣпили зданіе. Затворники и затворницы забаррикадировали

входы и стали отсиживаться. Скука отсиживания и молодость взяли свое: вытаскали на сцену рояль и зданіе огласилось звуками вальсовъ, венгерокъ и дружнымъ топаніемъ молодыхъ ногъ на голодный желудокъ. Присланную городской управой пищу осажденные отказались принять и, какъ говорили, быть можетъ шутя, казаки съ удовольствіемъ съѣли присланное. Выпустили всѣхъ, никого не задержавъ, около 12 часовъ ночи.

16-е ничѣмъ особеннымъ не отличалось. Былъ митингъ въ общественномъ собраніи, закончившійся, при участіи полиціи, незначительнымъ числомъ арестованныхъ лицъ.

17-е съ утра началось возбужденно. Масса народу высыпало на улицу. Полицейскіе попадались рѣдко. Бродившая по улицамъ публика въ концѣ концовъ хлынула въ зданіе театра и тутъ открылся первый митингъ, никѣмъ не стѣняемый и не разгоняемый и собравшій такое количество людей, какого стѣны театра еще никогда не видѣли—около 3000 человекъ. Весь день продолжался этотъ первый свободный митингъ. Толпа безпрестанно входила и выходила, на сценѣ предсѣдатели чередовались одинъ за другимъ. Вечеромъ, при освѣщеніи, картина митинга представляла очень внушительный и эффектный видъ и производила сильное впечатлѣніе. Партеръ, ложи и верхъ—полны людей; двери театра раскрыты настежь; часть толпы, вытянувъ шею, стоитъ уже за предѣлами дверей; издалека доносятся рѣчи ораторовъ, слова предсѣдателя и шумъ аплодисментовъ. И если-бы руководители митинга, уже поздно вечеромъ, не сочли нужнымъ закрыть собраніе, всю ночь пробыла-бы въ театрѣ публика и до утра не прекращалась-бы рѣчи.

Долго еще бродила толпа по главной улицѣ, пока, наконецъ, усталая не разошлась по домамъ, унося съ собою массу новыхъ впечатлѣній и думъ отъ перваго плода свободы.

2.

Утромъ 18 октября небольшая толпа гимназистовъ, реалистовъ и гимназистокъ явилась прекращать занятія въ коммерческомъ училищѣ. Около училища, подъ открытымъ небомъ, немедленно-же организовался митингъ, появилась эстрада, сооруженная изъ обломковъ бревень, и начались рѣчи. И ораторами, и слушателями были, главнымъ образомъ, учащіеся. Картина митинга была мирная и по содержанію рѣчей, и по положенію и возрасту участниковъ.

Кому принадлежала честь открыть въ этомъ собраніи дѣтей не старше 16—17 лѣтъ угрозу государственности и потрясеніе основъ и кто вызвалъ сюда исчезнувшую было уже полицію—неизвѣстно. Герой, вѣроятно, никогда не откроетъ своего имени.

Полиція не замедлила явиться. Прискакало съ полсотни стражниковъ, во главѣ съ полицмейстеромъ Никольскимъ, и эта армія

смѣло ринулась въ бой съ малышами. Взрослые, бывшіе въ роли случайныхъ зрителей, при одномъ приближеніи усмирителей, поспѣшили скрыться, но большая часть ребятъ была настигнута и избита. Дѣти инстинктивно жались къ забору училища и, стараясь спрятать лица, подставляли спины подъ удары нагаекъ. Стражники окружили ихъ сомкнутымъ строемъ. Многіе изъ нападавшихъ, не имѣя возможности съ лошади достать до дѣтей, спѣшивались и били стоя.

• Расправа была жестокая.

Всю эту картину отлично было видно изъ оконъ окружнаго суда. Находившіеся тамъ адвокаты, какъ были, во фракахъ, выбѣжали на улицу, чтобы остановить эту невѣроятную и бессмысленную расправу, но и ихъ самихъ усмирители побили нагайками и прикладами и, смяли лошадьми. Особенно пострадалъ одинъ изъ нихъ: отъ ударовъ онъ лишился сознанія и безъ чувствъ былъ перенесенъ въ зданіе суда. Въ судѣ-же успѣло вбѣжать много дѣтей, спасаясь отъ ярости побѣдителей, и здѣсь-же поспѣшили укрыться и бывшіе на улицѣ взрослые.

Легко представить, какое впечатлѣніе произвела эта расправа на находящуюся въ судѣ публику. Сразу-же было подано шесть заявленій прокурору о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности полицмейстера Никольскаго. Не удивительно, конечно, что никакого практическаго результата эти заявленія не имѣли и мы знаемъ, что произошло это не по волѣ суда, но удивительно, что въ послѣдствіи изъ лицъ, подписавшихъ заявленія, никто не пострадалъ.

Полицмейстеръ Никольскій, блестяще окончивъ карательную экспедицію, со всей ватагой поскакалъ обратно. У суда его пробовали было остановить, но безуспѣшно. Выкрикнувъ: «бей судейскихъ!»—онъ исчезъ. Фактъ, что, явившись тогда-же къ губернатору Азанчеву-Азанчевскому, онъ доложилъ, будто «на него и на стражниковъ напала толпа». Это было послѣднее выступленіе Никольскаго; съ этой минуты его уже болѣе не видѣли и куда онъ исчезъ во время дальнѣйшихъ событій—неизвѣстно.

По требованію бывшаго въ судѣ народа, предѣлатель суда Витте проводилъ всѣхъ до городской управы.

Вѣсть объ этой расправѣ съ дѣтми быстро разнеслась по городу и вызвала небывалое возбужденіе интеллигентныхъ массъ. Немедленно-же собралось экстренное засѣданіе думы; въ театрѣ организовался митингъ, привлекшій до 5000 чел.

По инициативѣ городского головы А. И. Макушина, дума рѣшила перенести свое засѣданіе также въ помещеніе театра. И здѣсь, при участіи народа, дума вынесла слѣдующее постановленіе, каждая статья котораго была прослушана и одобрена митингомъ.

«1. Предъявить г. томскому губернатору требованіе, чтобы томскій полицмейстеръ Никольскій былъ немедленно устраненъ отъ должности, въ виду допущенія имъ превышенія власти, сопряженнаго съ истязаніемъ жителей города и ихъ дѣтей, и чтобы немедленно были удалены изъ города казаки.

2. Если это требованіе города губернаторомъ не будетъ удовлетворено, то телеграммой представить министру внутр. дѣлъ объ устраниніи самого губернатора, какъ допустившаго преступныя дѣйствія.

3. Сообщить г. прокурору томскаго окружнаго суда о возбужденіи уголовного преслѣдованія противъ томскаго полиц. Никольскаго, по обвиненію его въ превышеніи власти, сопряженномъ съ истязаніемъ дѣтей и взрослыхъ жителей города.

4. Возбудить уголовное преслѣдованіе противъ того-же Никольскаго по обвиненію въ превышеніи власти, проявившейся въ незаконномъ и насильственномъ пользованіи принадлежащими томской пожарной командѣ людьми и лошадьми и городскими экипажами.

5. Для охраны города въ дневное время учредить городскую охрану, предоставивъ городской управѣ сформировать таковую въ потребномъ количествѣ, начиная со 100 чел., съ тѣмъ, чтобы $\frac{1}{4}$ часть изъ нихъ были конные и разрѣшить городской управѣ произвести необходимый расходъ, какъ на ея содержаніе, такъ и на обмундированіе и на вооруженіе.

6. Съ сегодняшняго дня прекратить отпускъ средствъ отъ города, какъ на содержаніе полиціи, такъ и на расходы по помѣщеніямъ для казаковъ.

7. Предъявить отъ имени городского общественнаго управленія г. попечителю западно-сибирскаго учебнаго округа и начальникамъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній г. Томска требованіе, чтобы въ настоящее, крайне неспокойное время, учебныхъ занятій въ этихъ заведеніяхъ не возобновлялось и таковыя были возобновлены лишь тогда, когда состоится на то соглашеніе педагогическихъ совѣтовъ съ представителями городского общественнаго управленія и родителями учащихся, и

8. Въ видахъ успокоенія населенія города, предъявить г. губернатору, отъ имени городского общественнаго управленія, требованіе о немедленномъ освобожденіи изъ-подъ стражи и изъ мѣстъ заключенія и изъ мѣстъ высылки всѣхъ привлеченныхъ по политическимъ преступленіямъ и въ связи съ бывшими въ послѣднее время въ г. Томскѣ волненіями».

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого засѣданія, городская управа, обсудивъ предложеніе думы объ организациіи городской охраны (милиціи), пришла къ заключенію, что для созданія подоб-

ной охраны необходимо привлечь жителей отъ всѣхъ районовъ города. Баллотировкой было избрано 24 чел., наиболее популярныхъ въ той или иной мѣстности города, и всѣмъ имъ немедленно были разосланы повѣстки съ приглашеніемъ явиться въ помѣщеніе управы. Въ числѣ этихъ приглашенныхъ были люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, національностей и убѣжденій.

Эти избранные вечеромъ того-же дня, послѣ долгихъ преній, при участіи членовъ управы и лицъ, присланныхъ изъ театра въ роли представителей митинга, выдѣлили изъ своей среды 12 чел., какъ членовъ комитета по организаціи милиціи и 12—какъ кандидатовъ къ нимъ,—и выработали планъ организаціи охраны, рѣшивъ при этомъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ, вооружить милиціонеровъ. Тутъ-же присутствовалъ, по приглашенію управы и съ вѣдома администраціи, одинъ изъ томскихъ участковыхъ приставовъ—К. П. Пушкаревъ, извѣстный въ городѣ, какъ человѣкъ, мало похожій на обычный типъ полицейскаго. И дума и управа прочили его на мѣсто исчезнущаго полицмейстера Никольскаго.

Пока происходило это засѣданіе въ управѣ, участники митинга въ театрѣ вынесли суровый приговоръ Никольскому и постановили арестовать губернатора впредь до исполненія предъявленныхъ думой требованій. Поздно вечеромъ народъ съ этою цѣлью направился къ губернаторскому дому, но возвратился назадъ, застигнутый дорогой вѣстью о манифестѣ 17 октября.

3.

Съ утра 19 октября полиція и казаки совершенно исчезли съ городскихъ улицъ. Около витринъ толпы народа: витрины заполнены партійными объявленіями о предстоящихъ митингахъ (съ программнымъ вопросомъ о выборахъ городского самоуправления), текстомъ манифеста 17 октября, постановленія думы и прокламаціями.

Вся городская жизнь вышла на улицу; лавки и магазины закрыты; въ учрежденіяхъ прекращены занятія. Вездѣ и всюду громко и открыто обсуждаются текуція событія; заговорили даже тѣ, кто до сихъ поръ, изъ осторожности или страха, не открывалъ рта.

Въ полдень на митингѣ въ театрѣ были произведены выборы членовъ самоуправления. Дальнѣйшія событія свели, однако, на нѣтъ роль выбранныхъ и они нигдѣ и ничѣмъ себя не проявили, да и не могли проявить: отъ момента выборовъ до полудня слѣдующаго дня время исчисляется только часами.

Постановленіе думы отъ 18 октября было санкціонировано мѣстной администраціей и вопросъ о созданіи милиціи былъ на-

столько легализированъ, что, напр., тогдашній управляющій казенной палатой прямо посовѣтовалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ вступить въ ея члены.

Новое словечко «черносотенники», ставшее потомъ общеупотребительнымъ и лишь недавно замѣненное «темными силами», впервые раздалось въ Томскѣ 19 числа. Чуть не съ утра носились по городу всевозможные слухи объ организаціи черносотенной шайки, о возможности столкновения съ нею, о рѣшеніи организаторовъ напасть на митинги. Назывались и фамилии заправиль. И результатомъ этихъ слуховъ явилось постановленіе митинга, проектируемую дневную охрану города привлечь для охраны митинга, назначеннаго въ помѣщеніи театра на слѣдующій день.

4.

На городскихъ витринахъ 20 числа появился новый родъ прокламацій неизвѣстнаго происхожденія: воззваніе встать на защиту православной вѣры и царя. Въ тотъ-же день бывшій томскій епископъ Макарій раздавалъ, во время богослуженія, листки съ аналогичнымъ этимъ воззваніямъ содержаніемъ, написанные, какъ и подобаеть духовнымъ листкамъ, лишь болѣе витѣватымъ слогомъ.

И прокламаціи, и листки возымѣли свое дѣйствіе.

Около двухъ часовъ дня толпа въ 400—500 чел., собравшись у такъ называемаго кузнечнаго ряда, двинулась къ центру города. Взявъ портреты царя (одинъ изъ мѣщанской управы, другой—изъ полиціи) и національные флаги, толпа съ пѣніемъ гимна, «Спаси Господи» и криками «ура» вышла на Почтамтскую улицу. У городской управы манифестанты, было, замѣшкались и часть ихъ пыталась проникнуть въ зданіе, но быстро отхлынула. Въ управѣ въ это время производилась запись милиціонеровъ и выдача имъ оружія. Въ окна управы полетѣли камни, но отъ атаки ея толпа, очевидно, отказалась и, пошумѣвъ, направилась дальше. Недалеко отъ управы появилась первая жертва возбужденныхъ патріотовъ: былъ убитъ инспекторъ страхового общества Яропольскій, выступавшій на митингахъ и въ роли оратора, и въ роли предсѣдателя.

Сформированная управой, взамѣнъ полиціи, городская охрана, всего 50—60 чел., была вооружена дрянными револьверами и имѣла при себѣ по 5 патроновъ на каждого. Милиціонеры имѣли на рукахъ бѣлую повязку съ буквами «Г. О.» (городская охрана). Главную массу милиціи составляла молодежь: студенты и члены вольно-пожарнаго общества.

Вскорѣ-же послѣ прохода толпы, по тому-же направленію въ рядахъ и въ порядкѣ двинулась и городская охрана.

У архіерейскаго дома манифестанты остановились и часть ихъ прошла къ еп. Макарію просить отъ имени всѣхъ отслужить мо-

лебенъ. Архіерей распорядился открытъ двери собора и манифестанты хлынули на соборную площадь.

Предполагавшійся въ этотъ день въ театрѣ митингъ не состоялся: вѣсть о приближеніи толпы разогнала собравшихся участниковъ митинга и въ моментъ вступленія толпы на площадь въ театрѣ никого не было, за исключеніемъ его постоянныхъ обитателей. Зато въ помѣщеніи управленія службъ Тяги и Пути желѣзной дороги, въ зданіи рядомъ съ театромъ, собрались служащіе получать жалованье, въ числѣ, приблизительно, 350 чел. и, кромѣ того, туда-же забѣжало порядочное число лицъ изъ театра.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ появленія на площади манифестантовъ, на ту-же площадь вступили и милиціонеры. Толпа приняла ихъ было, благодаря повязкамъ, за отрядъ краснаго креста, но недоразумѣніе векорѣ выяснилось: главарь охраны разъяснилъ толпѣ, что они посланы городской управой взамѣнъ полиціи. На это разъясненіе манифестанты, подстрекаемые темными личностями, вѣроятно, не чуждыми упраздненной полиціи, реагировали криками, бросаніемъ камней, и угрожающимъ наступленіемъ на милиціонеровъ.

Существуетъ двѣ версіи дальнѣйшихъ событій: по одной—сигналомъ къ кровавой расправѣ послужилъ одиночный выстрѣлъ какого-то милиціонера, хотя случайно и не задѣвший никого, но страшно озлобившій толпу, по другой-же—милиціонеры, видя явно угрожающее поведеніе толпы, дали залпъ въ воздухъ. Толпа отхлынула, оставивъ на землѣ массу труповъ, быстро вскочившихъ, однако, на ноги и бросившихся бѣжать вслѣдъ за другими. Оправившись отъ страха, толпа начала вновь наступать и на этотъ разъ милиціонеры, защищаясь, дали уже нѣсколько настоящихъ выстрѣловъ, и появились настоящіе убитые и раненые (всего 6—7 чел.), поползшіе къ собору. Живые, охваченные паникой, бросились бѣжать, но въ это время на площадь изъ близъ находящихся казармъ выбѣжали солдаты и прескакали казаки. Большая часть милиціонеровъ въ эти нѣсколько минутъ успѣла скрыться по Макаровскому переулку въ Запѣточное предмѣстье и только человекъ 15 осталось на площади.

Командовавшій войсками офицеръ предложилъ имъ сдаться, но получилъ отказъ. Милиціонеры вошли въ зданіе управленія дороги и туда-же съ ними вошла и часть публики, неожиданно захваченная происшедшимъ на площади. Почувствовавшая за собою силу, толпа оправилась отъ паники и заметалась по площади, звѣрски убивая казавшихся ей подозрительными лицъ. Для того, чтобы быть убитымъ, достаточно было обладать приличнымъ костюмомъ и интеллигентной фізіономіей. Студенческая фуражка, или лишь

похожая на нее, панаха и еврейскій типъ лица были вѣрнѣйшими смертными приговорами.

Вдалекѣ—на Почтамтской улицѣ, позади собора, около дома губернатора и присутственныхъ мѣстъ толпились тысячи людей въ роли зрителей; временами, когда какой-нибудь несчастный, убѣгая отъ убійцы, успѣвалъ слишкомъ близко подбѣжать къ зрителямъ, эти инстинктивно отступали вглубь, оставляя между собой и жертвой приличное разстояніе.

Никто не дѣлалъ попытки остановить эту вакханалію разнуздавшейся черни: явное покровительство вооруженной силы всякую попытку въ этомъ направленіи обрекало на неудачу.

Надъ всей площадью стоялъ какой-то особенный, однотонный гулъ.

Трехэтажное зданіе, куда вошли милиціонеры, имѣло тогда, кажется, одинъ выходъ на соборную площадь, два—на улицу Московскій трактъ и три—четыре во дворъ. И пока чернь не проникла во дворъ и не окружила зданіе, очень многіе успѣли благополучно уйти. Отдѣльные случаи спасенія были и тогда, когда зданіе было уже фактически окружено, но это надо считать лишь исключеніемъ и девять десятыхъ такихъ попытокъ кончились очень печально.

Въ помѣщеніе нѣсколько разъ заходили начальникъ гарнизона и председатель суда и уговаривали милиціонеровъ сдаться, но или условія сдачи были неприемлемы, или милиціонеры не вѣрили уже въ охрану войскъ, но только всѣ переговоры не привели ни къ чему. Въ концѣ концовъ двери были забаррикадированы и всѣ бывшіе въ зданіи рѣшили выдержать осаду.

На что надѣялись осажденные трудно, сказать. Возможно, что въ результатѣ они всетаки согласились бы разоружиться и пойти въ тюрьму (больше идти было некуда), но послѣ того, какъ на ихъ глазахъ у самыхъ дверей чернь убила двухъ инженеровъ, занимавшихъ въ желѣзнодорожномъ мирѣ довольно высокіе посты и вышедшихъ изъ зданія послѣ переговоровъ съ командовавшимъ войсками офицеромъ, обѣщавшимъ имъ безопасность, чуть-ли не честнымъ словомъ, всѣмъ стало ясно, что ни на охрану войскъ, ни на слово—надѣяться нельзя.

Въ нижнемъ этажѣ зданія, въ сторонѣ ближайшей къ театру, помѣщалась чья-то пивная. Толпа разгромила ее. Ножки отъ столовъ и чуть-ли не отъ билліарда послужили для нея орудіемъ для убійствъ. Былъ разгромленъ также и театр. Все, что можно, было разбито и уничтожено; обломки мебели выпшвырнули на улицу.

Губернаторъ Азанчеевъ—Азанчевскій пытался выйти къ толпѣ и говорить съ нею, но его уговоры не оказали никакого дѣйствія. Онъ ограничился тѣмъ, что пройдя шаговъ 30—40 и далеко въ

дойдя до здания, со всей свитой повернул назадъ. Еп. Макарій, пришедшій было въ соборъ служить молебень, послѣ появленія войскъ незамѣтно ушелъ обратно черезъ боковыя двери, не начиная богослуженія.

Въ сумерки, на улицѣ противъ университетскихъ клиникъ, почувствовавшая холодъ толпа изъ обломковъ мебели разложила и зажгла большой костеръ. Это и подало ужасную мысль. Горящія головки полетѣли въ разбитыя окна нижняго этажа, туда-же стали швырять дрова, въ изобиліи бывшія во дворѣ, и подъ гулкой благовѣсть соборныхъ колоколовъ, призывающихъ ко всеобщей, начался пожаръ громаднаго трехъ этажнаго здания съ запертыми въ немъ людьми.

Большинство бывшихъ въ помещеніи долгое время оставались сравнительно спокойными. Никто изъ нихъ не допускалъ мысли, что безпрепятственно можетъ быть совершено такое преступленіе какъ сжиганіе людей заживо. Подбадривая другъ друга и питаясь несбыточными надеждами, поднимались они съ этажа на этажъ, пока, наконецъ, не поняли, что спасенія имъ нѣтъ и что они обречены на гибель.

Пріѣхавшихъ пожарныхъ толпа не допустила къ зданію и разрубила рукава.

Выше и шире разрастался огонь и черезъ часа полтора кольцеобразно охватилъ здание со всѣхъ сторонъ.

Не трудно представить себѣ состояніе несчастныхъ людей, сжигаемыхъ заживо. Извѣстенъ случай сумасшествія одного изъ бывшихъ тамъ служащихъ дороги, но думается, что едва-ли этотъ случай былъ единичнымъ.

Отчаявшіеся въ спасеніи милиціонеры рѣшили умереть истративъ всѣ патроны и открыли огонь изъ оконъ по стоявшей внизу толпѣ и солдатамъ. Тѣ быстро разбѣжались: толпа—къ куда, а солдаты—къ соборной оградѣ, изъ за которой и начали стрѣльбу залпами по окнамъ здания. Разстрѣливали показавшихся на площади изъ дверей, разстрѣливали и метавшихся по крышѣ. Убѣжденная, что никто не спасется на площади, чернь все свое вниманіе сосредоточила на боковыхъ сторонахъ дома и на дворѣ. И всякій, появлявшійся тамъ изъ здания, безпощадно и звѣрски убивался толпою.

Нѣсколько позднѣе толпа подошла и театр; находившіеся тамъ служащіе выжили безпрепятственно.

Когда начался пожаръ, съ большимъ трудомъ удалось уговорить еп. Макарія выйти къ толпѣ и попытаться образумить ее. Архіерей вышелъ—но безуспѣшно: его не узнавали и не слушали. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что выйдя онъ торжественно, въ облаченіи,

а не въ обыкновенной шубѣ, съ хоругвями и въ сопровожденіи духовенства, эффектъ былъ бы другой.

Губернаторъ не появлялся совѣмъ.

Зарево пожара было видно далеко отовсюду, но все детали его хорошо различалъ губернаторъ изъ своего дворца, начальникъ дороги изъ своей квартиры, епископъ изъ своего дома и соборное духовенство—изъ собора, гдѣ, не взирая на весь ужасъ, ревъ толпы, трескъ и пламя пожара и стрѣльбу залпами, своимъ чередомъ шло и оканчивалось всенощное богослуженіе.

Горѣло всю ночь и выгорѣло все до тла.

5.

Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о числѣ пострадавшихъ въ этотъ день. Во всякомъ случаѣ, съ большой вѣроятностью число это можно опредѣлить въ 200 человекъ, съ небольшимъ колебаніемъ въ ту или другую сторону, при чемъ убитые и раненые раздѣлились, приблизительно, поровну.

Утромъ 21 октября въ соборѣ вновь раздавался торжественный благовѣстъ. Толпа, частью не расходившаяся всю ночь, частью отдохнувшая и набравшаяся свѣжихъ силъ, любовалась на ярко освѣщенные солнцемъ дымившіеся еще гиганты. Изъ подваловъ сгорѣвшаго дома, время отъ времени, появлялись еще люди, какимъ-то чудомъ оставшіеся въ живыхъ, и по старому безошадно избивались.

Криками «ура!» встрѣтила чернь высказанную къ-то мысль о погромѣ евреевъ. Безъ дальнѣйшихъ мудрствованій было рѣшено осуществить эту идею начавъ разгромъ съ первыхъ еврейскихъ магазиновъ по Почтамтской улицѣ.

Въ это-же время помѣщеніе службы телеграфа дороги, въ зданіи рядомъ съ сгорѣвшимъ помѣщеніемъ службъ Пути и Тяги, совершенно не тронутомъ огнемъ, было атаковано толпою мальчишекъ, бабъ и всякаго сброда, разгромлено и разграблено. За отсутствіемъ чего либо цѣннаго съ хозяйственной точки зрѣнія, тащили бумагу, счета, конторскія книги. Этимъ, между прочимъ, воспользовался одинъ служащій дороги, съ вечера ухитрившійся скрыться въ помѣщеніи. Пожертвовавъ пальто, перевязавъ голову какимъ-то тряпьемъ и придавъ хулиганскій видъ остальному костюму, онъ благополучно выбрался изъ зданія подъ охраной захваченнаго тамъ плохенькаго казеннаго зеркала.

Казакки лихо гарцовали вокругъ и снисходительно смотрѣли на мирное занятіе дневного грабежа.

Какъ только окончилась обѣдня, толпа отправилась къ губернаторскому дворцу и здѣсь, въ лицѣ своихъ депутатовъ, имѣла аудіенцію у его превосходительства. Неизвѣстны подробности переговоровъ вчерашнихъ убійцъ и поджигателей съ высшимъ пред-

ставителем администраціи, но извѣстно, въ общихъ чертахъ, что Азанчевскій просилъ толпу вести себя спокойно и обѣщала непременно наказать всѣхъ «злѣдѣевъ» названныхъ депутатами: городского голову А. П. Макушина, предѣдателя митинговъ, врача Б. и другихъ. Взявъ отъ губернатора портретъ царя, чернь съ пѣснопѣніями направилась на Почтамтскую улицу.

Между губернаторскимъ дворцомъ и архіерейскимъ домомъ не было ни одного еврейскаго магазина и это пространство толпа прошла мирно. У дома владыки была остановка. Не знаю, принялъ ли еп. Макарій депутацію и, если принялъ, то о чемъ говорили депутаты и епископъ, но, не задержавшись здѣсь особенно долго, толпа отправилась дальше и не далеко отъ дома владыки, въ этомъ же кварталѣ, разгромила первый еврейскій магазинъ. А за нимъ чередой пошли и другіе. Надо было удивляться, съ какой быстротой разбивались желѣзныя двери и окна, казавшіяся такими крѣпкими и толстыми, но еще болѣе слѣдовало удивляться, откуда у толпы появились орудія взлома—ломики, тоноры и т. п. Шумъ и трескъ отъ разрушавшихся дверей и оконъ былъ ужасный. Въ 3—4 минуты разбивались толстые металлическіе двери и ставни, выдергивались засовы, срывались замки. Толпа проникала внутрь и учиняла безпощадный разгромъ и грабежъ.

Къ вечеру толпа добралась и до дома городского головы и вдребезги разгромила имущество, не пощадивъ, насколько было возможно и самого дома. По слухамъ, были попытки поджечь его, но, очевидно, или у черни не было подходящаго горючаго матеріала или кто-либо помѣшалъ огню распространиться.

Убийствъ или насилій надъ евреями не было, еврейскій элементъ въ этотъ день совершенно исчезъ; частью евреи поспрашивались въ городѣ у знакомыхъ русскихъ, частью повыѣхали въ сосѣднія деревни.

Въ этотъ день по всѣмъ улицамъ можно было видѣть мужиковъ и бабъ, нагруженныхъ всякаго рода добычей. Не удивительно было встрѣтить бабу, одѣтую поверхъ рванаго костюма въ шкарпую цѣнную доху, или несущую съ большимъ трудомъ и истинною усталостью нѣсколько штукъ дорогихъ матерій. За безцѣнокъ продавались вещи, стояція большихъ денегъ.

Покончивъ съ крупными магазинами, толпа принялась и за лавченки, при чемъ было нѣсколько случаевъ, когда по ошибкѣ вмѣсто еврейскихъ, страдали и русскія лавченки. За день успѣли разгромить и разграбить всѣ магазины въ центрѣ и лавки вблизи центра; приблизившаяся ночь остановила дальнѣйшую работу, да и громы, встаканъ, поутомились...

22 числа, по какому-то волшебному мановенію, администрація вдругъ поняла, что погромы и грабежъ явленіе ненормальное, пор-

тивно-государственное и преступное и дала соответствующія директивы тѣмъ самымъ казакамъ, что наканунѣ такъ мирно сопровождали толпу. Не знаю, успѣла-ли администрація за ночь сама отыскать подходящія статьи закона или ей указали эти статьи изъ столицы, но только погромы и грабежъ вдругъ были признаны недопустимыми и требующими рѣшительнаго прекращенія. Можно только сказать, что на 22 число для грабежа и погромовъ въ сущности осталось уже очень мало матеріала, самое главное было сдѣлано наканунѣ, когда, очевидно, еще никакъ не могли разобраться въ многочисленныхъ томахъ россійскихъ законовъ.

Погромы и грабежи въ этотъ день начались сразу во многихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ на окраинахъ.

Казаки метались по всему городу.

Велико было изумленіе и негодованіе погромщиковъ, когда послѣ двухъ дней безнаказанности, послѣ убійствъ, поджога, послѣ разгрома крупнѣйшихъ магазиновъ,—къ нимъ предъявили требованіе прекратить безчинства и не разрѣшили громить какія то ничтожныя лавченки.

Пришлось, однако, примириться съ фактомъ; рубцы отъ нагаекъ вчерашнихъ друзей наглядно доказывали серьезность запрета и погромы мало по малу совершенно прекратились.

Къ вечеру этого дня въ городѣ наступила тишина. На улицахъ появлялись лишь рѣдкіе прохожіе; гулко раздавались шаги патрулей; окна вездѣ были завѣшаны или закрыты на ставни; огня почти нигдѣ не было; жизнь замерла.

6.

Кошмарные дни исчезли. Прекратились какіе бы то ни было эксцессы черни и осталось лишь, и еще долго не исчезало, тревожное настроеніе напуганнаго обывателя. Встрѣчаясь на улицѣ, люди подозрительно оглядывали другъ друга, держа въ карманахъ наготовѣ оружіе. Каждый видѣлъ въ другомъ звѣря, готоваго броситься на тебя безъ всякой причины.

Воображеніе обывателя долго еще работало въ созданіи могущихъ притти ужасовъ. Слухи о готовящихся поголовныхъ убійствахъ евреевъ и студентовъ, о предстоящихъ разгромахъ университета и технологическаго института, о разгромахъ всехъ тѣхъ домовъ на которыхъ къ утру такого-то числа не будетъ поставлено крестовъ,—ползли въ уши напуганнаго обывателя и окончательно расшатывали его нервы и нарушали его психическое равновѣсіе. И напуганные, выбитые изъ колеи, потерявшіе вѣру въ себя и въ стойкость условій жизни, обыватели жаллись въ своихъ углахъ, трепетали, боялись, создавали вокругъ себя убійственную атмосферу и губили въ ней не только остатки своихъ нервовъ, но и нервы сво-

ихъ дѣтей. И жили въ этой атмосферѣ и дышали ея тлетворнымъ воздухомъ еще долгое, долгое время.

Если вообще каждый интеллигентъ въ эти послѣдніе дни жилъ подъ угрозой разгрома и смерти, то особенно ясно чувствовали эту угрозу, кромѣ евреевъ, студенты, т. е. та категорія людей, которая въ извѣстномъ анекдотѣ причислена къ «внутреннимъ врагамъ». Евреи повиѣхали и попрятались, для студенческой-же массы сдѣлать то и другое было не такъ-то легко, особенно для впервые пріѣхавшихъ въ Томскъ и не имѣющихъ здѣсь никакихъ знакомствъ. Ужасъ передъ возможностью разгрома, вынуждалъ хозяевъ и хозяекъ студенческихъ квартиръ требовать отъ своихъ постояльцевъ немедленнаго ухода. Такія требованія не стѣснялись предъявлять въ самый разгаръ событій 20 числа. Иные изъ студентовъ протестовали и отказывались уходить, большинство-же покорялось и бросалось искать новыхъ мѣсть, часто рискуя при этомъ своей головой.

Къ характернымъ явленіямъ этихъ и ближайшихъ послѣдующихъ дней слѣдуетъ отнести и неожиданное повышеніе въ цѣнѣ старыхъ и рваныхъ костюмовъ. Хулиганскій костюмъ въ то время сталъ какъ-бы наружнымъ признакомъ политической благонадежности и, какъ не смѣшно теперь говорить объ этомъ, но тогда очень много интеллигентныхъ людей неожиданно «опростилось», а нѣкоторые хотя и недолго, но погуляли и въ типичнѣйшихъ хулиганскихъ костюмахъ.

Губернаторъ Азанчеевъ-Азанчевскій былъ вскорѣ уволенъ, но и только. Онъ уѣхалъ, и единственной неприятностью для него, въ связи съ его преступной бездѣятельностью, а можетъ быть и дѣятельностью въ дни событій, не говоря объ увольненіи, былъ гдѣ-то случай отказа подать ему руку.

Епископъ Макарій былъ награжденъ саномъ архіепископа, а затѣмъ призванъ на постъ московскаго митрополита. Оцѣнка роли этого архипастыря, если даже не говорить о настойчивыхъ слухахъ объ извѣстной долѣ активной дѣятельности самого епископа и нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ приспѣшниковъ въ эти дни,—не можетъ вызывать двухъ мнѣній.

Предсѣдатель суда Витте, изъ всѣхъ наиболѣе гуманный и человѣчный, былъ уволенъ по пресловутому третьему пункту.

Городская администрація не пострадала.

Изъ убійць и поджигателей никто не былъ пойманъ (изъ сотни людей!), но комедія правосудія всетаки была совершена: нѣсколько человѣкъ были изловлены, уличены въ погромъ и кражѣ какихъ-то вещей, приговорены за это—и помилованы царемъ.

Теперь, когда мы стоимъ на порогѣ новой политической жизни, эпопею тысяча девятьсотъ пятаго года можно считать законченною.

Изъ людей—кто уволенъ, кто повышентъ, кто судимъ. Зданіе вновь отреставрировано, театръ разрушенъ окончательно. Все ликвидировано. Исчезли страхи и ужасы, исчезло озлобленіе, притупилось, вѣроятно, и горе тѣхъ, кто потерялъ тогда своихъ близкихъ. Ни на одну секунду не задержалась жизнь и не остановился прогрессъ. Ничто не могло остановить ихъ: ни сжиганіе людей заживо, ни разстрѣлы, ни висѣлицы, ни вся черная эпоха нѣсколькихъ лѣтъ послѣ пятого года. Были и исчезли русскія и цѣлая плеяда иностранныхъ именъ громкихъ дѣятелей черной эпохи, есть и будутъ, вѣроятно, и еще имена подобныхъ имъ дѣятелей, воображающихъ не только остановить, но и повернуть вспять жизнь,—но какъ исчезли и уже забываются тѣ имена, такъ исчезнуть и эти. И не за горами то время, когда наша родина, миновавъ, наконецъ, всѣ мѣшающіе ея движенію пни и ухабы, спокойной дорогою пойдетъ къ общечеловѣческой цѣли устраивать жизнь на началахъ гуманности, справедливости и культурности. Никакія руки, мнящія себя цѣпкими и сильными, не остановятъ этого движенія, и какіе бы слѣды не оставили по себѣ эти руки, все равно они ничего не сдѣлаютъ и ничего не измѣнятъ въ вѣчномъ законѣ людей: идти впередъ и совершенствоваться самимъ и совершенствовать формы жизни.

И съ этой вѣрою въ свѣтлое будущее нашей родины отойдемъ мы отъ тяжелыхъ событій недавнихъ лѣтъ.

**Копія секретнаго донесенія Томскаго Губернатора Азанчеева-Азанчевскаго Министру Внутреннихъ Дѣлъ 16-го
Ноября 1905 года № 4234.**

13 октября 1905 года, среди служащихъ отдѣла Тяги Управленія Сибирской желѣзной дороги, возникло замѣтное броженіе, окончившееся къ 3-мъ час. дня полной забастовкой; вслѣдъ за этимъ занятія прекратились и въ прочихъ службахъ Управленія жел. дор. На другой день, 14 октября, забастовщики, въ числѣ которыхъ находились въ значительномъ количествѣ студенты университета и технологическаго института, разбившись на небольшія группы, въ 10—15 чел., съ утра начали заходить въ магазины и требовали немедленнаго прекращенія торговли и присоединенія къ всеобщей забастовкѣ. Нежелавшимъ подчиниться предъявленному требованію, забастовщики угрожали насиліемъ и разгромомъ имущества. Вслѣдствіе этого, многіе торговцы, опасаясь насилія со стороны забастовщиковъ, вынуждены были закрывать свои магазины, которые затѣмъ были ими открыты, какъ только на ули-

цахъ появились военные патрули и казачій разъѣздъ, разбивавшіе группы забастовщиковъ. 15-го октября утромъ на Почтамтской улицѣ, около желѣзнодорожныхъ учреждений, собралась толпа, состоящая преимущественно изъ служащихъ въ этихъ учрежденияхъ, къ которымъ вскорѣ примкнуло много другихъ лицъ разныхъ профессій, а также учащаяся молодежь. Въ тоже время ученики старшихъ классовъ мѣстнаго реального училища предъявили своему начальству требованіе о томъ, чтобы имъ было предоставлено помѣщеніе для сходки; получивъ отказъ, реалисты самовольно прекратили занятія, вышли толпой изъ училища и направились къ зданію мужской классической гимназій. Здѣсь къ нимъ присоединились воспитанники старшихъ классовъ гимназій и засимъ все они, примкнувъ къ толпѣ другихъ демонстрантовъ, направились по главной Почтамтской улицѣ, черезъ базарный мостъ. Пройдя по Милліонной улицѣ толпа двинулась сначала къ зданію Маріинской женской гимназій, остановилась здѣсь на нѣкоторое время, а затѣмъ прослѣдовала къ народной бесплатной библіотекѣ, въ каковую постепенно и вошла. Вскорѣ у зданія библіотеки сосредоточилась громадная толпа народа, которая, какъ не пожелавшая разойтись по требованію полиціи, была разбѣяна при помощи полусотни казаковъ, самое же зданіе бесплатной библіотеки было оцѣплено военнымъ карауломъ. Насколько удалось выяснить, число демонстрантовъ, занявшихъ зданіе библіотеки, достигло, приблизительно, 400 чел., среди которыхъ находилось до 60-ти учениковъ и ученицъ различныхъ учебныхъ заведеній. Обращеніемъ городской полиціи къ собравшимся въ библіотекѣ предложеніе разойтись, или, по крайней мѣрѣ, выпустить учащихся и женщинъ, — было встрѣчено категорическимъ отказомъ, сопровождавшимся при томъ сильнымъ шумомъ, крикомъ, шиканьемъ и свистомъ. Многіе изъ учащихся на просьбы родителей и увѣщанія своихъ наставниковъ покинуть сборище, отвѣчали полнымъ нежеланіемъ оставлять помѣщеніе библіотеки, нѣкоторые же изъ нихъ были удерживаемы тамъ самой толпою. Въ большомъ зрительномъ залѣ библіотеки состоялся митингъ, на которомъ произносились противоправительственные рѣчи, пѣлись революціонныя пѣсни и разбрасывались прокламаціи. Около 11-ти часовъ вечера нарядъ полиціи, солдатъ и казаковъ, по моему распоряженію, былъ снятъ отъ бесплатной библіотеки и демонстранты спокойно разошлись. Ж Находившіеся въ нарядѣ нижніе воинскіе чины явно выражали свое враждебное настроеніе въ отношеніи демонстрантовъ, прося у своихъ начальниковъ разрѣшенія употребить противъ арестованныхъ въ библіотекѣ силу.

16-го октября мною былъ полученъ по телеграфу законъ 12-го октября 1905 г., о повѣлкѣ разрѣшенія собраній по вопросамъ

государственнымъ, общественнымъ и экономическимъ, и въ тотъ же день напечатать и оглашёнъ. Броженіе умовъ постепенно усиливалось; 16-го, 17-го, и 18-го октября происходили въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ бурные, многочисленные нелегальные митинги, на которыхъ произносились революціонныя рѣчи въ рѣзкой формѣ осуждавшіе Царя и правительство и содержащія въ себѣ конюнктурныя мысли о православной вѣрѣ, а равно собирались пожертвованія на революціонныя цѣли; отдѣльные ораторы, собравъ около себя группу слушателей, произносили рѣчи и подъ открытымъ небомъ на улицахъ города, при чемъ не стѣснялись поносить имя Царя самыми бранными словами. 18-го же числа толпа демонстрантовъ, состоявшая изъ лицъ разныхъ профессій, а также учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, подошла къ зданію мужской гимназіи, выломала здѣсь входныя двери и присоединивъ къ себѣ нѣсколько человекъ гимназистовъ, направилась къ Коммерческому училищу, съ цѣлью прекратить въ немъ учебныя занятія. Неразшедшаяся, по требованію полиціи, толпа эта была разсѣяна вызванной на мѣсто происшествія полусотней казаковъ. Часть этой толпы, сосредоточившись въ зданіи томскаго окружнаго суда, предполагала устроить здѣсь митингъ, но предсѣдатель суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Витте, пригласилъ ее отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ помещеніе городской думы, что и было исполнено. Около 4-хъ час. дня полученъ былъ манифестъ 17-го октября 1905 г., Вечеромъ того же числа состоялось засѣданіе Томской городской думы, подъ предсѣдательствомъ городского головы Макушина, въ составѣ 25-ти гласныхъ, при чемъ дума между прочимъ постановила...*)).

О такомъ своемъ постановленіи городская дума извѣстила мѣстное населеніе расклеенными 19-го октября въ разныхъ частяхъ города, объявленіями.

Упомянутое постановленіе думы городскимъ головой Макушинымъ лично было представлено мнѣ 18-го октября вечеромъ, при чемъ г. Макушинъ, сообщая о крайне возбужденномъ настроеніи общества, предупреждалъ меня, что исполненія этого постановленія могутъ потребовать отъ меня даже и насильственнымъ путемъ. По телефону изъ моего кабинета городской голова передалъ, съ моего вѣдома, въ городскую управу, что начальникъ губерніи согласенъ на разрѣшеніе, въ положительномъ смыслѣ, лишь вопроса объ устраненіи отъ должности полиціймейстера, по остальнымъ же вопросамъ необходимо соблюденіе установленнаго Городовымъ положеніемъ порядка. Постановленіе городской думы относительно прекращенія отпуска средствъ отъ города на содержаніе полиціи, крайне неблагоприятно отразилось на дѣятельности и на-

*) Постановленіе приведено въ текстѣ брошюры.

строении чиновъ послѣдней: полицейскіе городовые, въ увѣренности остаться безъ жалованія, не могли, конечно, спокойно и съ должнымъ усердіемъ нести свои обязанности по службѣ, нѣкоторые же изъ классовыхъ полицейскихъ чиновниковъ стали даже ходатайствовать о переводѣ ихъ въ уѣзды. Вообще, угнетаемые, съ одной стороны, мыслью о состоявшемся постановленіи городской управы относительно прекращенія отпуска средствъ отъ города на содержаніе полиціи, съ другой же стороны постоянно подвергаясь, будучи на постахъ, со стороны революціонеровъ угрозамъ насилія, въ случаѣ дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, нижніе полицейскіе чины не только прекратили съ 19-го октября наружную службу, но боялись даже показываться въ форменной одеждѣ на улицѣ. Никакія увѣщанія со стороны непосредственнаго начальства не падали духомъ и нести спокойно службу—успѣха въ данномъ случаѣ не имѣли: такъ сильна была паника.

Съ утра 19-го октября въ городѣ стало замѣчаться сильное движеніе публики: на улицахъ группами собирались разныя лица, произносились революціонныя рѣчи, раздавались прокламаціи,—вообще проявлялась въ интенсивной формѣ революціонная агитація. Въ театрѣ и Технологическомъ институтѣ въ этотъ день состоялись многочисленные митинги: на митингѣ въ институтѣ, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ о необходимости здѣсь же произвести судъ надъ губернаторомъ, за его распоряженіе о разсѣиваніи толпы около Коммерческаго училища; благодаря, однако, полной беспорядочности и шумности собранія, возникшій вопросъ о губернаторѣ вскорѣ былъ смѣненъ другимъ. Того же 19-го числа толпа демонстрантовъ явилась на базарную площадь и раздѣлившись на двѣ группы, бросилась на стоявшихъ здѣсь ломовыхъ извозчиковъ, пріѣхавшихъ изъ деревень крестьянъ и торговковъ, требуя, подъ угрозой насилія, а иногда и примѣняя таковое, немедленнаго оставленія базарной площади и прекращенія торговли. Извозчики, крестьяне и торговки въ испугѣ разбѣжались или разбѣжались и базаръ вскорѣ совершенно опустѣлъ; лавки въ этотъ день совсѣмъ не открывались.

Въ цѣляхъ успокоенія мѣстнаго населенія, мною было 19-го октября расклеено по городу слѣдующее объявленіе: «Высочайшій манифестъ 17-го октября 1905 г. возлагаетъ на подлежащія власти обязанность принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій беспорядка, безчинствъ и насилій въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга. Во исполненіе сего, довожу до свѣдѣнія населенія г. Томска, что всѣ мѣры охраны жителей отъ насилія мною приняты и населеніе города можетъ спокойно продолжать свои занятія, не придавая значенія резолюціямъ, объявленіямъ и прокламаціямъ про-

тивниковъ правового порядка. Постановленія и резолюціи, исходящія за послѣднія дни отъ участниковъ такъ называемыхъ митинговъ, законной силы не имѣютъ».

Этого же числа, въ помѣщеніи Городской Думы, состоялся митингъ, при чемъ городской голова Макушинъ, подъ предлогомъ недостаточности помѣщенія и угрожаемой таковому, вслѣдствіе многочисленности собранія, опасности, предложилъ собравшимся отправиться въ театръ, гдѣ въ это время также происходилъ митингъ. Предложеніе это было принято и все собраніе, вмѣстѣ съ Макушинымъ и нѣкоторыми гласными думы, направилось въ театръ; здѣсь, между прочимъ, возникъ вопросъ объ арестованіи губернатора; тогда Макушинъ заявилъ, что такое постановленіе собранія не можетъ имѣть значенія, такъ какъ губернаторъ существуетъ не для одного города Томска, а для всей губерніи. Тѣмъ не менѣе многіе настаивали на немедленномъ арестованіи губернатора, о чемъ я былъ предупрежденъ однимъ изъ служащихъ въ Управленіи жел. дор., присутствовавшимъ на митингѣ. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, намѣреніе арестовать губернатора не было приведено въ исполненіе вслѣдствіе сдѣланнаго предсѣдателемъ митинга указанія на недостаточность вооруженія революціонеровъ.

Утромъ 20-го октября мною было издано и роздано народу объявленіе слѣдующаго содержанія: «Обращаясь ко всему населенію города Томска съ убѣдительнѣйшей просьбой не посѣщать нѣкоторое время собраній и не собираться большими группами на улицахъ,—во избѣжаніе всякихъ столкновеній, влекущихъ за собою человѣческія жертвы. Въ Европейской Россіи наступаетъ успокоеніе. Именемъ Государа Императора прошу населеніе успокоиться и вернуться къ своей трудовой жизни, для блага русскаго народа и дорогого отечества».

Въ 12 час. дня этого числа, изъ зданія мѣщанской управы, вышла съ портретомъ Государа толпа, состоявшая преимущественно изъ чернорабочихъ и мелкихъ торговцевъ, и приблизилась къ находящемуся невдалекѣ городскому Полицейскому Управленію. Несмотря на увѣщанія помощника полиціймейстера и секретаря полиціи, толпа самовольно вошла въ зданіе Полицейскаго Управленія и взяла здѣсь портретъ Государа Императора, объяснивъ при этомъ, что она намѣрена устроить патріотическую манифестацію, съ цѣлью открыто выразить свой протестъ возникшему въ послѣднее время въ гор. Томскѣ революціонному движенію. Въ это время въ помѣщеніи Городской Думы, послѣ совѣщанія представителей города и членовъ наканунѣ избраннаго комитета общественной безопасности, происходила организація такъ называемой городской милиціи и выдача ей агентамъ, подъ росписку, оружія—револьверовъ и патроновъ, купленныхъ Городской Управой 19-го

числа въ магазинѣ Смирнова. Между такъ называемомъ базарнымъ мостомъ и зданіемъ Городской Думы былъ убитъ студентъ, не снявшій, по требованію толпы, шапки и позволившій себѣ, кромѣ того, плюнуть по направленію портрета Государя. Патриотическая манифестація приблизилась къ Городской Думѣ, съ намѣреніемъ и здѣсь взять портретъ Царя; двери оказались запертыми, на стукъ же толпы изъ оконъ послѣдовали два револьверныхъ выстрѣла, которыми двое изъ манифестантовъ были ранены. Одинъ изъ толпы хотѣлъ взять портретъ Царя, пройдя черезъ задній ходъ, но былъ раненъ и немедленно вернулся обратно въ толпу. Возмущенная толпа выбила послѣ этого окна въ помѣщеніи Городской Думы. Затѣмъ толпа направилась далѣе къ собору, при чемъ стала уже избивать тѣхъ, кто казался ей почему либо подозрительнымъ, или кто не оказывалъ должнаго уваженія къ портрету Государя. Тутъ, между прочимъ, былъ убитъ инспекторъ Сѣвернаго страхового общества Яропольскій. Продолжая свое шествіе по главной Почтамтской улицѣ, при пѣніи народнаго гимна и тронаря «Спаси, Господи, люди Твоя»,—толпа остановилась у архіерейскаго дома и просила епископа Макарія отслужить въ соборѣ молебень о здравіи Государя Императора; на что преосвященный изъявилъ свое согласіе. При бесѣдѣ съ преосвященнымъ Макаріемъ,—въ читальномъ залѣ архіерейскаго дома,—многіе мужчины и женщины плакали, жалуясь на происходящіе забастовки, смуты и безпорядки. Прибывъ на Соборную площадь толпа раздѣлилась на двѣ части: одна вошла въ ограду собора, а другая черезъ площадь, направилась къ театру, гдѣ въ это время происходилъ митингъ, и начала бросать въ окна театра камни. Прибывшему къ театру помощнику полиціймейстера, послѣ долгихъ увѣщаній, удалось, наконецъ, отвлечь толпу къ собору. Едва только часть манифестантовъ вошла въ соборъ (было около 2-хъ час. дня), оставивъ портретъ Государя на паперти, какъ со стороны Почтамтской улицы показалась двигающаяся стройными рядами, по направленію къ Соборной площади, колонна въ составѣ 50—60 человекъ, среди которыхъ 5—7 были въ формѣ добровольнаго пожарнаго общества, а остальные въ различной штатской одеждѣ, но всѣ были при бѣлыхъ, надѣтыхъ на рукавъ или папаху, повязкахъ, съ красными буквами Г. О. (городская охрана). Когда колонна приближалась къ Соборной площади, нѣкоторые изъ входившихъ въ составъ ея лицъ направляли что-то въ наружныхъ карманахъ, другіе же наклидывали себѣ на шею револьверные шнуры сняго цвѣта. Замѣтивъ колонну, толпа съ криками «ура! Да здравствуетъ Россія»,—начала подходить къ ней. Въ это время колонна, дойдя до входа въ помѣщеніе Управленія Сибирской жел. дор., остановилась, быстро развернулась лицомъ къ собору и открыла стрѣльбу по толпѣ. Послѣд-

няя, услышавъ выстрѣлы и увидѣвъ, что нѣсколько человѣкъ раненыхъ упали, бросилась бѣжать черезъ площадь, по направленію къ лютеранской церкви. Вскорѣ, однако, толпа оправилась отъ перваго испуга и съ яростью, всей своей массой, бросилась на открытую стрѣльбу колонну, которая, вмѣстѣ съ другими лицами, случайно находившимися на тротуарѣ, скрылась въ помѣщеніе службы Тяги Управленія Сибирской ж. д., гдѣ въ это время находились и служащіе, явившіеся только за полученіемъ жалованія, такъ какъ ранѣе уже была объявлена забастовка. Спустя нѣкоторое время, къ мѣсту происшествія прибыла одна рота солдатъ, которой было приказано занять ограду собора противъ зданія Управленія жел. дор. Не успѣла рота еще расположиться внутри Соборной ограды, какъ изъ зданія Управленія ж. д. раздались выстрѣлы въ солдатъ. Находившіеся на паперти народъ въ ужасѣ требовалъ, чтобы солдаты отвѣчали на выстрѣлы огнемъ, о томъ же просили и сами солдаты, обсыпавые выстрѣлами изъ оконъ Управленія. Но воинскимъ начальствомъ стрѣлять солдатамъ разрѣшено не было, для успокоенія же разъяренной толпы было приказано дать одинъ краткій сигналъ къ дѣйствию оружіемъ.

Въ это время къ Соборной площади прибыла казачья сотня, по которой изъ оконъ Управленія Сибирской ж. д., съ лѣвой стороны зданія, были произведены выстрѣлы, причѣмъ пули падали на дорогу и далѣе въ снѣгъ. Тогда со стороны распорядившагося на мѣстѣ дѣйствіями войскъ офицера послѣдовало приказаніе приготовиться съ фланговъ роты сдѣлать нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ вверхъ, по крышѣ зданія, изъ котораго стрѣляли демонстранты. Едва солдаты выставили ружья черезъ рѣшетку ограды, окружающей соборъ, какъ на крыльцѣ Управленія ж. д. появился какой-то молодой человѣкъ, который, махая бѣлою нарукавною повязкой, началъ просить офицера подойти къ нему для переговоровъ. Офицеръ, махнувъ, съ своей стороны, посовымъ платкомъ, вышелъ изъ соборной ограды и подойдя къ крыльцу Управленія, вступилъ въ разговоръ съ молодымъ человѣкомъ, который заявилъ, что онъ, отъ лица городской милиціи, высланной для охраны митинга, происходившаго въ театрѣ, просить войска не прибѣгать къ оружію противъ милиціонеровъ. Указавъ ему, что милиціонеры первые открыли огонь, какъ по толпѣ, такъ и по войскамъ, причѣмъ ранили нѣсколько человѣкъ изъ толпы, офицеръ предложилъ затѣмъ парламентарю отъ милиціи передать послѣдней о необходимости немедленной сдачи оружія и тутъ-же потребовалъ, чтобы самъ парламентаръ передалъ ему свой револьверъ. Молодой человѣкъ, исполнивъ это требованіе, вошелъ въ зданіе Управленія ж. д., съ цѣлью передачи отряду милиціонеровъ предложенія офицера о сдачѣ оружія. Возвратившись, затѣмъ, на крыльцо, молодой человѣкъ, отъ лица милиціонеровъ, предъявилъ требованіе, чтобы ихъ вооруженный от-

рядъ былъ преспровожденъ въ Городскую Управу, гдѣ будетъ удостовѣрено, что онъ дѣйствительно организованъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Требованіе это офицеромъ было отклонено. Во время послѣдняго разговора офицера съ парламентаромъ отъ милиціи, кто-то изъ толпы, пробравшись къ крыльцу зданія, палкою нанесъ ударъ этому милиціонеру, послѣ чего офицеръ поспѣшивъ вернуть его въ помѣщеніе Управления ж. д. Въ это время (около 3-хъ час. дня) къ зданію Управления прибыли еще двѣ роты, а вслѣдъ за ними еще двѣ, прибылъ также и командиръ баталіона, получившій мое распоряженіе задержать всѣхъ скрывшихся въ зданіи и отправить въ губернской тюремный замокъ. Толпа на Соборной площади, а также на прилегающихъ къ ней улицахъ, между тѣмъ, все возрастала,—достигши, наконецъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и войска усиленно оберегали зданія театра и Управления ж. д. отъ всякихъ ея посягательствъ. Но раздраженіе и ярость толпы, требовавшей выдачи скрывшихся въ зданіи Управления революціонеровъ, продолжали усиливаться, причемъ она начала уже разбивать окна въ помѣщеніи упомянутаго учрежденія. Въ это время къ губернаторскому дому подошла, съ портретомъ Государя, часть толпы до трехсотъ человѣкъ, къ которой я обращался со словами успокоенія и которая, оставивъ портретъ въ домѣ губернатора, разошлась.

Командиры баталіона и другіе офицеры нѣсколько разъ входили въ помѣщеніе Управления предлагая милиціонерамъ сдать оружіе и выйти оттуда, для слѣдованія, затѣмъ, подъ охраной войскъ, въ тюремный замокъ, но никакія увѣщанія не дѣйствовали. Вдругъ со стороны театра въ нижній этажъ зданія Управления, гдѣ помѣщался ресторанъ, ринулась толпа, разбила тамъ окна и уничтожила всю внутреннюю обстановку, а затѣмъ начала врываться и въ прочія помѣщенія нижняго этажа, также разбила окна и произвела общій разгромъ. Все это дѣлалось съ явнымъ намѣреніемъ проникнуть во второй этажъ зданія, гдѣ укрылся отрядъ милиціонеровъ, но осуществленію этого намѣренія все время препятствовали подъ руководствомъ офицеровъ, войска. Спустя нѣкоторое время, въ зданіе Управления прибыли: предсѣдатель Томскаго окружнаго суда, начальникъ губернскаго жандармскаго Управленія, губернской тюремный инспекторъ и другія должностныя лица, которыя со своей стороны, убѣждали милиціонеровъ выйти, подъ прикрытіемъ войскъ; однако, увѣщанія и этихъ лицъ не имѣли успѣха милиціонеры не только сами отказывались покинуть зданіе, но не позволяли сдѣлать этого и другимъ, не принадлежащимъ къ ихъ составу. Былъ, въ прочемъ, моментъ, когда, подъ вліяніемъ увѣщаній нѣсколько человѣкъ согласились сдать оружіе и спустились внизъ; въ помѣщеніи былъ усиленъ отрядъ солдатъ и введены были

жандармы для приёма и регистраціи оружія. Въ это время здѣсь появилось нѣсколько человекъ, ранѣ выведенные изъ зданія и избитые толпой, какъ только они прошли ряды войскъ, послѣ чего сдача оружія уже не состоялась. Между тѣмъ, ярость толпы, все увеличиваясь, достигла крайнихъ предѣловъ: слышались требованія самосуда надъ революціонерами, громко раздавались крики о выдачѣ городского головы Макушина и открыто высказывалось недовольство властями за ихъ послабленіе въ отношеніи крамольниковъ. Въ виду крайне обострившагося положенія, принятіе мѣръ по прекращенію возникшихъ безпорядковъ мною передано было военному начальству. Около 4-хъ час. дня, съ цѣлью успокоенія толпы, я отправился на Соборную площадь, гдѣ, обратившись къ собравшимся, сказалъ, что всё находящееся въ зданіи Управленія ж. д., подъ конвоемъ войскъ, будутъ отведены въ тюрьму и переданы, затѣмъ, въ распоряженіе судебныхъ властей и что поэтому толпѣ не слѣдуетъ прибѣгать ни къ какимъ самоуправнымъ дѣйствіямъ, а тѣмъ болѣе насиліемъ, а необходимо мирно разойтись по домамъ. Слова мои, однако, только раздражали толпу, причѣмъ я лишь случайно избѣжалъ удара по головѣ дубиной, когда лично началъ отбивать у толпы избиваемаго ею какого то молодого человека, по виду студента, и принимать мѣры къ предотвращенію разгрома Университетской клиники, куда толпа стала уже влѣзывать. Когда я вступилъ въ переговоры съ частью толпы, на всё мои слова и обѣщанія предать суду милиціонеровъ, изъ толпы лишь возражали, что они суду не вѣрятъ и требовали выдачи имъ двухъ бр. Макушиныхъ, докт. Броннера, присяжнаго повѣреннаго Вологодскаго, Штукенберга, Шиницына, Вейсманъ, Березницкаго и другихъ и что тогда только они отойдутъ отъ зданія и согласятся выпустить скрывшихся тамъ. Также слышны были въ толпѣ угрозы отдѣльныхъ голосовъ по адресу прокурора суда Бѣляева и предсѣдателя суда Витте, прибывшихъ вмѣстѣ со мной на мѣсто безпорядковъ, но, проходя по срединѣ толпы, я потерялъ ихъ изъ виду. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось сосредоточить около себя нѣкоторую часть толпы, съ которой я и отправился къ губернаторскому дому, въ томъ расчетѣ, что, замѣтивъ уменьшеніе ея, скрывшіеся въ Управленіи, подъ вліяніемъ продолжавшихся увѣщаній выйдутъ изъ зданія. Дѣйствительно, въ это время нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ покинули зданіе по одиночкѣ, вошли въ ряды солдатъ и затѣмъ незамѣтно слились съ толпой.

Къ собравшемуся у губернаторскаго дома народу я вновь обратился со словами увѣщанія и при этомъ ему были розданы экземпляры изданнаго мною выше приведеннаго объявленія. Большинство изъ нихъ отправилось по домамъ, миновавъ Соборную площадь.

Съ наступленіемъ сумерокъ, толпа подошла находившееся въ нижнемъ этажѣ Управленія Сибирской жел. дор. помѣщеніе, въ которомъ былъ ресторанъ и которое первымъ подверглось разгрому. Затѣмъ нѣкоторые изъ толпы, съ улицы и со двора, начали, черезъ разбитыя окна проникать въ смежное съ рестораномъ помѣщеніе, въ которомъ старались выломать дверь чтобы попасть въ самое зданіе Управленія. Присутствовавшіе же на мѣстѣ военныя власти, съ начальникомъ гарнизона во главѣ, принимали всѣ мѣры къ недопущенію толпы въ самое зданіе Управленія, продолжая сами въ то же время убѣждать скрывшихся тамъ выйти, или, по крайней мѣрѣ, хоть отпустить женщинъ. Наконецъ, къ крыльцу Управленія были подтянуты роты, а казаки стали вокругъ нихъ цѣпью, чтобы, такимъ образомъ, предотвратить всякое нападеніе на тѣхъ, кто вышелъ бы изъ зданія, но и эта мѣра не увѣчалась успѣхомъ: скрывшіеся продолжали упорствовать въ своемъ нежеланіи покинуть занятое помѣщеніе. Выдѣлилась только отдѣльная группа лицъ, состоявшая почти исключительно изъ железнодорожныхъ служащихъ, въ числѣ нѣсколько свыше 20-ти человекъ, которая просила отправить ее, подъ охраной войскъ, въ тюрьму, что и было исполнено, хотя съ большимъ трудомъ, такъ какъ толпа начала отбивать вышедшихъ изъ зданія у наряда войскъ и разсыпалась лишь послѣ отданнаго приказа открыть по ней стрѣльбу. Между тѣмъ, пожаръ, начавшійся, какъ указано выше, въ помѣщеніи ресторана, быстро распространился по всему нижнему этажу Управленія ж. д.. Вскорѣ засимъ обнаружилось, что толпою подожжены и театръ, находящійся позади Управленія. Войска остались на своихъ мѣстахъ—около крыльца горѣвшаго зданія, чтобы служить прикрытіемъ для тѣхъ, кто сталъ бы выходить оттуда. Вдругъ изъ Управленія раздались выстрѣлы; войска, подъ этимъ огнемъ, мгновенно передвинулись, черезъ улицу и площадь, къ Соборной оградѣ и съ мѣста остановки дали, безъ команды, по своей инициативѣ, одинъ залпъ. Послѣ этого, по распоряженію воинскихъ властей, роты были собраны въ колонны, съ цѣлью облегченія наблюденія за тѣмъ, что бы солдаты не стрѣляли, не получая на то соответствующей команды. Со стороны войскъ выстрѣловъ больше не было, изъ толпы же со стороны площади началось безпорядочное повторное обстрѣливаніе горѣвшаго зданія. Тутъ только стало ясно, что народъ вооруженъ, такъ какъ въ толпѣ были видны приподнятыя руки съ блестящими въ нихъ револьверами. Убѣдившись въ полной безвыходности своего положенія и сознавая неминуемую гибель отъ огня, постепенно охватывавшаго зданія Управленія и театра, скрывшіеся тамъ начали покидать таковыя: кто выбрасывался въ окно, кто спускался по водосточной трубѣ, а кто вылезалъ изъ

подвального этажа, — но всёхъ ихъ постигала одна участь: толпа, зорко слѣдившая за выходящими изъ горѣвшихъ зданій, быстро настигала ихъ и избивала или убивала безъ всякой пощады и сожалѣнія, подвергая кромѣ того нѣкоторыхъ ограбленію. Отдѣльнымъ лицамъ удавалось, однако, спастись, подѣ прикрытіемъ офицеровъ и солдатъ. Не только къ лицамъ, скрывшимся въ зданіи Управленія, но и къ самому этому зданію въ толпѣ замѣчалось какое то ужасное озлобленіе и ненависть: слышны были крики о тяжелыхъ послѣдствіяхъ забастовокъ и о томъ, что въ горящемъ зданіи не оставлять камня на камнѣ. Когда къ мѣсту пожара, при самомъ его началѣ, прибыли все пожарныя части, кромѣ команды мѣстнаго добровольнаго пожарнаго общества, толпа силою не допустила ихъ къ горѣвшимъ зданіямъ Управленія ж. д. и театра. Цѣлый рядъ попытокъ со стороны пожарной команды проникнуть къ горѣвшимъ зданіямъ былъ безуспѣшенъ, встрѣчая всякій разъ самый категорическій отпоръ толпы, грозившей при этомъ, что дальнѣйшія попытки команды могутъ вызвать въ толпѣ крайнее раздраженіе и заставить послѣднюю прибѣгнуть къ дѣйствию оружіемъ. Въ это время нѣкоторые пожарныя рукава были перерѣзаны. Однако, брандмейстеру, подѣ прикрытіемъ полуроты солдатъ и при содѣйствіи одного изъ офицеровъ, удалось какъ то раскинуть машинныя рукава къ зданію, гдѣ помѣщался желѣзнодорожный телеграфъ. Когда, наконецъ, зданія Управленія ж. д. и театра были настолько объаты огнемъ, что помощь пожарной команды не могла быть уже существенной, въ смыслѣ сохраненія ихъ цѣлости, толпа, уступая настойчивымъ увѣщаніямъ полиціймейстера и одного изъ совѣтниковъ Губернскаго Управленія, пропустила команду къ мѣсту пожара, но и то съ условіемъ, что послѣдняя будетъ занята главнымъ образомъ отставиваніемъ отъ огня соедняго съ горящими зданіями помѣщенія пенсіонной кассы. Къ 11 час. вечера пожаръ сталъ замѣтно стихать и толпа мало по малу начала расходиться. Въ теченіе всей наступившей ночи пожарнице охранялось ротою солдатъ.

Считаю нужнымъ установить здѣсь, что настроеніе нижнихъ воинскихъ чиновъ, находившихся въ нарядѣ, было всецѣло на сторонѣ толпы и потому офицеры не имѣли никакой возможности принудить ихъ дѣйствовать рѣшительно для усмиренія народнаго возстанія и прекращенія буйства.

21-го октября, съ утра, на улицахъ города стали появляться толпы народа, среди котораго вездѣ слышались рѣчи, осуждавшія дѣйствія забастовщиковъ, силою принуждавшихъ рабочій классъ присоединиться къ общей забастовкѣ. Вскорѣ по окончаніи въ кафедральномъ соборѣ литургіи, на Соборной площади снова собралась громадная толпа, находившаяся въ больномъ волненіи по

поводу событій минувшаго дня, виновниками которыхъ она считала всецѣло революціонеровъ, а причину вообще возникновенія ихъ— видѣла въ еврейской агитаціи. Озлобленіе противъ революціонеровъ было настолько сильно, что толпа готова была растерзать всякаго, кто являлся, по ея мнѣнію, сторонникомъ революціи. Такъ, здѣсь на площади былъ убитъ студентъ, который приглашалъ народъ перейти на сторону революціонеровъ и у котораго, при обыскѣ, были обнаружены прокламаціи и револьверъ; вслѣдъ за этимъ тутъ была сильно избита барышня за то, что выразила свое сочувствіе убитому и негодованіе толпѣ. Затѣмъ собравшаяся толпа направилась къ губернаторскому дому, съ балкона котораго Макарій, епископъ Томскій и Барнаульскій, и я, долго увѣщевали народъ успокоиться и обратиться къ мирному труду. Сущность нашихъ рѣчей сводилась къ тому, что манифестомъ 17-го октября 1905 г. народу даровали большія милости и, между прочимъ, право имѣть своихъ представителей въ высшемъ государственномъ законодательномъ учрежденіи; что за эти милости народъ долженъ питать къ Царю вѣрнопопдавическія чувства благодарности, любви и преданности; что поэтому онъ, народъ, въ нынѣшнее тревожное время больше чѣмъ когда либо, обязанъ своею мирною трудовою жизнью способствовать общему умнротворенію, о чемъ такъ заботится Государь Императоръ, и не подъ какимъ видомъ не вызывать смуть и безпорядковъ; что если народъ признаетъ неправыми революціонеровъ, допускавшихъ насильственныя дѣйствія, то въ такой же мѣрѣ будетъ неправъ и самъ онъ, проявивъ въ той или иной формѣ насиліе и самоуправство, вмѣсто того, чтобы передать виновныхъ въ руки правосудія; что въ случаѣ допущенія со стороны толпы безпорядковъ, я, по закону, обязанъ буду примѣнить силу противъ ослушниковъ. Наконецъ, по поводу заявленія толпы о необходимости выдворенія изъ Томска всѣхъ евреевъ, въ виду того, что они даютъ большія суммы денегъ на развитіе революціоннаго движенія и что главари мѣстной революціонной организаціи принадлежать къ ихъ средѣ, я замѣтилъ, что если въ отношеніи евреевъ дѣйствительно имѣются вполнѣ опредѣленныя данныя въ указанномъ направленіи, то ихъ слѣдуетъ сообщить судебной власти. Увѣщанія свои успокоиться и разойтись я повторилъ и депутатамъ, избраннымъ толпой и явившимся въ губернаторскій домъ. Но слова преосвященнаго Макарія и мои увѣщанія, повидимому, мало дѣйствовали на толпу, которая продолжала по прежнему проявлять крайнее озлобленіе противъ революціонеровъ и евреевъ. Около часу дня толпа съ портретомъ Государя и національными флагами при пѣніи народнаго гимна, направилась по главной Почтамтской улицѣ и съ криками «ура» стала громить еврейскіе магазины, убивъ на пути еврея, бросившаго камень въ портретъ Царя. Въ

теченіи дня и вечера 21-го числа толпой было разгромлено нѣсколько десятковъ еврейскихъ магазиновъ и лавокъ, а также домъ городского головы Макушина, котораго народъ считалъ участникомъ въ организациіи мѣстнаго революціоннаго движенія, не смотря на то, что домъ этотъ съ 6-ти час. вечера 20-го октября, охранялся, по моему распоряженію, воинскимъ карауломъ. Въ этотъ же день на Спасской улицѣ былъ подобранъ сильно избитый и израненный студентъ, который вскорѣ и умеръ.

Получивъ свѣдѣнія о томъ, что толпа громитъ еврейскіе магазины и что наличный составъ городской полиціи не въ силахъ прекратить начавшихся безчинствъ, я немедленно сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи державшихся въ казармахъ на готовѣ нарядовъ казаковъ и пѣхоты, съ цѣлью прекращенія погромовъ въ однихъ мѣстахъ и предупрежденія таковыхъ въ другихъ. Толпа, между тѣмъ, продолжала быстро двигаться по улицѣ и производить разгромъ еврейскаго имущества: разсѣянная войсками въ одномъ пунктѣ, она немедленно сосредоточивалась въ другомъ и снова начинала громить и безчинствовать. Присутствіе воинскихъ карауловъ у магазиновъ не страшна громилъ: они всей своей массой и дружнымъ натискомъ успѣвали оттѣснять солдатъ и всетаки производили разгромъ намѣченного ими еврейскаго имущества. Тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи войскъ, нѣкоторые магазины были спасены отъ разгрома и отъ многихъ лицъ были отобраны вещи, захваченныя ими во время такового. Насколько толпа была вообще озлоблена и враждебно относилась ко всякому, кто препятствовалъ ея дѣйствіямъ, можно судить по тому, что когда отрядъ казаковъ началъ разгонять на рынкѣ громить нагайками, кто-то изъ послѣднихъ перебилъ ногу у казачьей лошади и пока казакъ принималъ мѣры къ тому, чтобы увести эту лошадь, съ нея было украдено сѣдло. Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что вызываемыя для прекращенія происходившихъ въ Томскѣ еврейскихъ погромовъ войска,—какъ пѣхота, такъ и казаки, дѣйствовали, по моему убѣжденію, весьма вяло и нерѣшительно, какъ потому, что были утомлены постоянными нарядами въ предшествовавшее погрому тревожное, благодаря созданному революціонерами положенію, время, такъ и потому, что солдаты сами замѣтно склонялись на сторону толпы.

22-го октября утромъ, на базарѣ, въ такъ называемыхъ маслянныхъ рядахъ, небольшая толпа снова начала было громить еврейскія лавки, но быстро прибывшимъ на мѣсто военнымъ патрулемъ была остановлена, успѣвъ только повредить двѣ лавки; никакихъ другихъ инцидентовъ въ этотъ день не произошло. Послѣ временнаго перерыва многія русскія лавки этого числа открылись и торговали до 4-хъ час. дня; производилась торговля также и въ нѣкоторыхъ казенныхъ винныхъ лавкахъ.

23-го числа, около 9-ти часовъ утра, на Дальне-Ключевской улицѣ собралась толпа чернорабочихъ, въ числѣ до 100 челов.; замѣтивъ у проходившаго по улицѣ еврея револьверъ, толпа стала отбирать у него таковой; еврей началъ стрѣлять, при чемъ одного изъ толпы тяжело ранилъ, а другого убилъ. Послѣ этого толпа набросилась на стрѣлявшаго и несомнѣнно умертвила бы его, если бы подоспѣвшими къ мѣсту происшествія чинами полиціи еврей не былъ отнятъ у толпы и не отправленъ въ тюрьму. Вскорѣ за нимъ прибылъ нарядъ казаковъ, которымъ собравшаяся толпа была разсѣяна. Другихъ происшествій въ этотъ день не было.

24-го октября, около 6-ти час. утра, въ центрѣ города, съ такъ называемаго думскаго моста былъ сброшенъ на ледъ двумя неизвестными, подѣхавшими въ санкахъ, лицами чернорабочій, который вскорѣ умеръ, успѣвъ, однако, объяснить, что преступники, по виду, походили на евреевъ. Засимъ, какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе, порядокъ въ городѣ ничѣмъ не нарушался и вообще стало замѣчаться успокоеніе жителей. Съ этого числа, послѣ вызваннаго безпорядками перерыва, между прочимъ, начались работы и въ типографіяхъ.

За время происходившихъ въ Томскѣ, съ 20-го по 23-е октября, революціонныхъ безпорядковъ, человѣческихъ жертвъ было 143. Изъ нихъ въ разныя лечебныя заведенія было доставлено ранеными 130 и убитыми 13. Засимъ съ 20-го по 23-е число того же мѣсяца изъ доставленныхъ живыми умерло 40 и съ 25-го по 27-е—четыре. Всего умерло, такимъ образомъ, 57 человѣкъ.

Кромѣ того, сдѣланы заявленія объ 11-ти лицахъ, безъ вѣсти пропавшихъ. По предварительному соглашенію моему съ епископомъ Томскимъ и Барнаульскимъ, организованъ, при епископской кафедрѣ, комитетъ для сбора пожертвованій, съ цѣлью оказанія помощи лицамъ такъ или иначе пострадавшимъ отъ безпорядковъ, мною же разосланы во всѣ правительственныя учрежденія подписные листы съ тѣмъ, чтобы поступившія пожертвованія направлялись въ упомянутый комитетъ. Къ организаціи такихъ же пожертвованій мною были приглашены и мѣстные представители другихъ вѣроисповѣданій.

И. д. Губернатора Азанчевскій.